

Рождение и трансформация
«генеральной линии» ЦК ВКП(б)
в политической борьбе
второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучается понятие «генеральная линия» в истории партии большевиков на протяжении второй половины 20-х гг. Впервые это понятие в политический лексикон ввел Н.И. Бухарин, выступая на XIV партийной конференции (1925). Понятие фиксировало основную идею новой экономической политики: нужно бороться с двумя уклонами, против того, чтобы считать кулаков основной крестьянской силой в деревне, и против того, чтобы не замечать главную фигуру в деревне – середняка. Это понятие имело дискуссионный смысл – прежде всего. Его активно использовали представители объединенной оппозиции. И только к началу 1929 г., когда наметился переход от новой экономической политики к методам военно-административного управления сельским хозяйством, понятие «генеральная линия» партии стало выражать собой мнение Центрального комитета партии и лично генерального секретаря. В начале 1929 г. Сталин поставил вопрос так, что всякое, даже малейшее несогласие с «генеральной линией» партии в условиях обострения классово-борьбы означает «правый уклон». В дальнейшем это понятие стало символическим обозначением тоталитаризма.

Ключевые слова: И.В. Сталин, правый уклон в партии, «генеральная линия» партии, Н.И. Бухарин, новая экономическая политика, сатирический журнал «Крокодил»

Для цитирования: Юрганов А.Л. Рождение и трансформация «генеральной линии» ЦК ВКП(б) в политической борьбе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 83–113. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-83-113

The birth and transformation of the “general line”
of the Central Committee of the VKP(b)
in the political struggle
of the second half of the 1920s and early 1930s

Andrey L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article studies the concept of “general line” in the history of the Bolshevik Party during the second half of the 1920s. N.I. Bukharin first introduced that concept into the political lexicon, speaking at the Fourteenth Party Conference (1925). The concept fixed the basic idea of the new economic policy – that it was necessary to fight against two tendencies: against considering the kulaks as the main peasant force in the village and against ignoring the main figure in the village – the middleman. That notion had a debatable meaning – above all. It was actively used by representatives of the united opposition. It was not until the beginning of 1929, when the transition from the new economic policy to the methods of military-administrative management of agriculture was outlined, that the notion of the “general line” of the Party began to express the opinion of the Central Committee of the Party and the General Secretary personally. At the beginning of 1929, Stalin posed the question that any disagreement, even the slightest, with the “general line” of the Party in conditions of aggravation of the class struggle meant a “right-wing deviation”. Subsequently, the concept became the symbolic designation of totalitarianism.

Keywords: Stalin, rightist deviation in the party, “general line” of the party, N.I. Bukharin, new economic policy, satirical magazine “Crocodile”

For citation: Yurganov, A.L. (2021), “The birth and transformation of the ‘general line’ of the Central Committee of the VKP(b) in the political struggle of the second half of the 1920s and early 1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 83–113, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-83-113

Впервые словосочетание «генеральная линия» прозвучало в речи Н.И. Бухарина на XIV партийной конференции в апреле 1925 г. Ему потребовалось еще раз объяснить суть нэпа, если возникают партийные уклоны, то вправо, то влево, от центральной идеи – сохранения на долгие годы (как учил В.И. Ленин) компромисса пролетарской власти и контролируемого ею свободного рынка в промышленности и сельском хозяйстве. Идея компромисса была наиболее распространенной, и выступавший с докладом

о «кооперации» А.И. Рыков подчеркивал, что «при предоставлении условий для свободного накопления в кулацких хозяйствах увеличивается темп накопления во всем хозяйстве, быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности в отношении реальной хозяйственной поддержки маломощных крестьянских хозяйств»¹.

Эту идею компромисса Бухарин определил как «генеральную линию» партии через характеристики двух уклонов «по крестьянскому вопросу».

Первый уклон – это когда

...товарищи считают совершенно правильным взгляд, что нужно сейчас развивать в целях оживления всего народного хозяйства в целом верхушечные слои в деревне, развязывать (т. е. дать возможность развиваться) даже кулацкое хозяйство, не говоря уже о хозяйстве зажиточного крестьянина, середняка и т. д.

Ошибка этого «кулацкого» уклона – в непонимании смысла и цели компромисса: увеличив сумму национального дохода рыночным путем, необходимо оказать помощь основной массе сельскохозяйственного населения, организовать поддержку кооперации.

Второй уклон – это когда товарищи впадают в крайность противоположную: они не видят в деревне ключевую фигуру – середняка. В их представлении сталкиваются между собой две противоположные классовые силы: кулаки и сельский пролетариат. Бухарин говорил:

Когда мы кулака обкладываем больше, чем остальных, и когда мы финансируем середняка, что мы делаем? Мы ведем в известном смысле *линию на нивелирование крестьянства* (курсив мой. – А. Ю.)².

Эта линия на «нивелирование» крестьянства получила в выступлении Бухарина название «генеральной линии». Новый термин подчеркивал значимость идеи «равновесия классовых сил» при диктатуре пролетариата:

...можно ли сказать, что наша генеральная линия, линия большевистская, линия нашей политики на целый период, заключается в сознательном форсировании классовой борьбы? Вот этого-то я как раз не думаю...³

¹ Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). М.: Гос. изд-во, 1925. С. 86.

² Там же. С. 187.

³ Там же.

«Линия на нивелирование крестьянства» в 1925 г. не имела никакого отношения к более поздней трактовке «генеральной линии» как всеобъемлющей марксистской истины, выраженной в коллективном мнении ЦК ВКП(б). Более того, в силу компромисса, который допускала партия большевиков в нэпе, содержание такой «генеральной линии» естественным образом становилась эпицентром споров и дискуссий.

Сам же термин «генеральная линия» не получил признания – его даже не упомянули в резолюции XIV конференции РКП(б). Хотя о «линии на нивелирование крестьянства» говорилось вполне в духе выступления Бухарина:

...экономические высоты уже находятся в руках пролетариата и действительно укрепляются. Элементы капитализма, которые в ближайшие годы будут неизбежно нарастать, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства⁴.

Эту линию назвали «единственно правильной линией пролетарской политики в настоящих условиях»⁵. Но вместо слов «генеральная линия», употребленных Бухариным, прозвучали более привычные слова:

Руководство пролетариата по отношению к крестьянству после победы пролетарской революции заключается в проведении *правильной общей политической линии* (курсив мой. – А. Ю.) в каждый данный период развития пролетарской революции⁶.

На октябрьском Пленуме ЦК РКП(б) в 1925 г., незадолго до открытия XIV съезда партии, были повторены слова и мысли Бухарина о «двух уклонах», при помощи которых он характеризовал правильную линию – «генеральную», но само это слово не было упомянуто:

...проведение решений XIV партконференции встречает в отдельных случаях такого же рода возражения, какие наблюдались при переходе к нэпу в 1921 г. В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрица-

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953. II: 1925–1953. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

тельных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа как необходимого этапа к социализму⁷.

Словосочетание, придуманное Бухариным, стали употреблять в оппозиционной среде. Оно даже оказалось датирующим признаком статьи Я. Оссовского, опубликованной в журнале «Большевик» за 1926 г. Этой публикацией⁸ намеревались показать, к чему стремится объединенная оппозиция – к созданию второй партии. Когда был написан этот текст? В журнальном примечании от автора сказано: «Настоящая статья писалась до XIV съезда и частью незадолго после него»⁹. Поскольку в статье весьма активно используется словосочетание «генеральная линия», то следует думать, что основная часть текста статьи Оссовского написана под сильным воздействием выступления Бухарина в апреле 1925 г. на XIV партийной конференции.

Главный постулат Оссовского сводился к экономическому детерминизму: раз уж в экономике нет никакого единства, то и партия большевиков не может руководить чуждым ей по духу капиталистическим укладом страны в виде частных крестьянских хозяйств.

Он обосновывал три формы «партийного строительства»: «1. Совершенно единственная и абсолютно единая партия. 2. Совершенно единственная, единая, но не абсолютно единая партия. 3. Абсолютно единая, но не единственная партия».

По мнению Оссовского, до 1925 г. преобладали две первые формы: «Официальная точка зрения считала, что партия может и должна жить при совершенном единстве и абсолютной единственности, независимо от того, что в экономике нет и намек на такого рода единство»¹⁰. В 1923 г. Л. Троцкий выступил в «защиту второй точки зрения, на горизонте появилась третья точка зрения». Оссовский утверждал, что третью точку зрения можно увидеть на горизонте «только хорошо вооруженным взглядом». Но он был уверен в том, что «эта точка зрения уже нашла своих выразителей среди части руководителей нашей партии, при чем из среды *основного ленинского ядра* (слова выделены автором статьи. – А. Ю.)».

Раз уж партия согласилась на допущение товарно-денежных отношений в экономике, то почему же не разрешить «малочисленным группам» быть политически ответственными за буржуазные

⁷ Там же. С. 61.

⁸ *Оссовский Я.* Партия к XIV съезду // Большевик. 1926. № 14. С. 59–80.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 60.

уступки под общим контролем диктатуры пролетариата? ВКП(б) могла бы сохранить свою классовую чистоту, если бы буржуазные элементы в экономике выражали другие «политические фигуры». Партия большевиков

...могла бы соблюсти полное и стальное единство своих революционных рядов, если чуждые ее программе экономические интересы были бы представлены в стране не ею же, а другой малочисленной группой. Эта малочисленная группа могла бы с успехом выполнить роль защитника капиталистических хозяйств нашей страны в пределах, допускаемых диктатурой пролетариата и революционного крестьянства, сохраняя эту диктатуру полностью и целиком для руководства остальным хозяйством страны, основные свойства которого не чужды программе ВКП¹¹.

Если не допускать политического разнообразия в сфере управления, то, по мнению Оссовского, трудно соблюсти демократические основания в единственной партии:

Только за пару недель до съездов на голову широкой партийной массы, ни в чем не информированной и считающей, что все благополучно, вдруг сыплются бесконечные так называемые дискуссионные листки, где широкой партийной массе преподносится в 2–3 дня наплодившееся и надуманное членами высших партийных инстанций месяцами и годами. Широкая партийная масса обязана в 2–3 дня решить, за «кого» она, а узнать, в чем спор, она, от установившейся у нас традиционной предсъездовской шумихи, никак не может. Она в таком случае всегда голосует за аппарат. Последнее получает убедительнейшую иллюстрацию на примере последней предсъездовской подготовки в Ленинграде и Москве – за Сталина¹².

Оссовский писал:

Партия не может одновременно быть представителем и защитником разнообразнейших форм хозяйства: частно-капиталистических, госкапиталистических и социалистических. Защиту чуждых программе ВКП экономических интересов надо передать другому. «Этот другой» предполагалось то в виде беспартийной фракции советов, то в виде «отсеченных» от партии по разным политическим и неполитическим разногласиям элементов, или же те и другие вместе, одни под руководством других. Главное только, чтобы эти «другие» были лояльны к советской власти, к завоеваниям Октябрьской революции¹³.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Там же. С. 63.

Вот тут и возникает вопрос о «центральной линии» – о политическом компромиссе, который так необходим в условиях нэпа. Оссовский называл эту «центральную линию» «генеральной»:

Возвращаясь к вопросу о **генеральной линии партии** в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или другой степени правильной, с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата, так как в основе этой линии в силу объективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частнокапиталистического хозяйства. Поскольку это так, пролетариат, исходя из своих исторических классовых интересов, не может и не должен отказаться от критики этой покоящейся на компромиссе с частнокапиталистическим хозяйством государственной линии. Подобная критика должна ставить себе целью, во-первых, дать отпор атакам со стороны вкрапленных в **генерально-руководящую линию** Советского государства частно-капиталистических элементов, постоянно стремящихся смещать центр этой линии в свою сторону, – сторону частно-капиталистического хозяйства – социализма. Такого рода критика есть здоровая пролетарская классовая критика своего же государства, являющегося пока не рабочим, а рабоче-крестьянским¹⁴.

«Генеральная линия» в таком контексте нуждается в постоянной самокритике! Ведь она основана на компромиссе «с другим классом»¹⁵.

Определять в каждом случае *это пролетарское содержание генеральной линии Советского государства может исключительно свободно развивающееся общественное мнение партии* (курсив мой. – А. Ю.). И до тех пор, когда не будет потеряно последней надежды строить и в нашей стране пролетарское хозяйство и социализм, генеральная линия партии в руководстве Советским государством у свободного общественного мнения партии и пролетариата всегда найдет необходимую поддержку. Вместе с этим только свободное общественное мнение партии может развивать и сохранить за рабочим классом его боевую способность, которая независимо от того, построим ли мы в одной нашей стране социализм или же только его будем строить, ему очень и очень нужна¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 67.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 77.

Идеи Оссовского опровергал А. Слепков статьей в том же номере журнала с ярко обличающим названием – «Платформа оппозиционного ликвидаторства (Ответ на статью Оссовского “Партия к XIV съезду”)».

Он не упомянул словосочетание «генеральная линия». Термин фиксировал меру *дискуссионного компромисса*, который допускала советская власть при новой экономической политике с теми, кто олицетворяет собой мелкобуржуазную стихию рынка. Слепков так и писал: «Центральным пунктом платформы Оссовского является положение о невозможности единства компартии из-за непролетарского характера руководимого ею советского государства (смысл его центральной идеи таков)»¹⁷. Его возмутила уверенность Оссовского, что политический компромисс нэпа неизбежно приведет к расколу партии: «...никогда и ни один партиец, через горнило каких-либо уклонов он не прошел, не говорил о неизбежности раскола, о невозможности существования единой и единственной компартии»¹⁸.

Эту уверенность Слепков называл «бессмыслицей»:

Нужно ли доказывать, что Оссовский здесь неграмотно и плоско пропагандирует премудрости Каутского и всех теоретиков оппортунизма, считающих предпосылкой пролетарской революции полное – или почти полное – вытеснение капитализмом всех других докапиталистических экономических структур?¹⁹

Политическое обвинение, предъявленное Оссовскому, гласило: «Он поставил себе задачу – доказать непролетарский характер советского государства»²⁰. Смысл обвинения таков:

Основной основ ошибок Оссовского является его утверждение, будто руководимое партией советское государство, ведущее определенную экономическую политику в условиях сосуществования различных социально-экономических форм, – обязательно, неизбежно, «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей»²¹.

¹⁷ Слепков А. Платформа оппозиционного ликвидаторства (Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV съезду» // Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Там же. С. 87.

²¹ Там же. С. 89.

Статья Оссовского была разрешена к публикации в журнале «Большевик», чтобы показать «истинное лицо» оппозиции²², которая на самом деле мечтает о создании «второй партии»:

Перед нашими глазами теперь прошли все три ступени «перспективного плана» Оссовского. Первая ступень: легализация фракций внутри партии. Вторая ступень: легализация двух политических партий. Третья ступень: легализация различных политических партий, представляющих интересы различных социально-экономических групп²³.

Слепков отмечал:

Оссовский считает, что XIV партсъезд сделал ошибку, когда, он, якобы, дал команду: огонь налево. Это же думают и вожди объединенной оппозиции. Но зачем так извращать факты? Партия и представляющий ее XIV партсъезд не говорили, что новая оппозиция есть «левый» уклон. Она утверждала и утверждает теперь с еще большим правом, что левая фраза оппозиции прикрывает правую политическую программу²⁴.

Итак, в среде партийных работников концепт «генеральная линия» ассоциировался с таким компромиссом, который требовал не всегда желаемой дискуссии, – ведь никто в партии большевиков точно не знал, до какой степени может продолжаться компромисс нэпа, который неизвестно когда и чем закончится. Согласно Ленину, времени впереди много... но сколько? Не считать! И потому «генеральная линия» в подобном контексте – с избытком дискуссионная «линия».

Это совсем не та линия, в которую можно поверить как в единственно правильную «линию» партии.

Бухарин своей речью на XIV партконференции породил кампанию разоблачения, но не двух уклонов, как он указывал в случае употребления понятия «генеральная линия», а множества «уклонов», которыми пытались определить уже не «генеральную линию» (критикующую два уклона), а «правильную линию»: ее нередко рассматривали расширительно как высший уровень обобщения *безотносительно* к компромиссу новой экономической политики в области сельского хозяйства.

На XIV Московской губернской партийной конференции, состоявшейся с 5 по 13 декабря 1925 г., накануне партийного съезда,

²² Там же. С. 101.

²³ Там же. С. 99.

²⁴ Там же. С. 102.

был поднят вопрос о недопустимости широкого толкования «уклонов» в условиях внутрипартийной демократии. А.И. Рыков, в частности, говорил:

...некоторые гг. во всяком обсуждении какого-либо вопроса находят обязательно «уклон»... Объясните мне, что будет обозначать внутрипартийная демократия, если члены партии не смогут спорить друг с другом, не смогут обсуждать вопросов?²⁵

Он привел пример, который демонстрирует большую потребность в партийных кругах опереться на рациональное мнение, чтобы «сохранить за партией 100 % верность ленинизму»:

...видно из заявления тов. Саркиса, одного из виднейших работников Ленинградской организации. На Ленинградской губконференции он сказал: «Вы знаете, что я один из тех товарищей, которые любят читать и немножко пописывать. Я постарался собрать все виды отдельных уклонов и колебаний, и получил следующий перечень: 1) критика Ленина в вопросе о госкапитализме в одном из основных вопросов нашей политики и практики; 2) вопрос о кулаке; 3) возрождение народнических идей и старой доброй общины; 4) вопрос о перспективе социалистического строительства в одной стране при затяжке международной революции и при стабилизации капитала в западной Европе; 5) «правительство всех» и отношение правительства ко всему населению, независимо от их классового происхождения (тов. Сольц). 6) Отдельные вопросы, вопрос о нашем отношении к вербовке из рабочих новых большевиков, вопрос о производственных совещаниях, о рабселькоровском движении и т. д. и т. п. И плюс к этому я два раза должен повторить уклон Ларина». В этой цитате, кроме «и т. д. и т. п.» перечислено 9 уклонов. А сколько кроется за этим «и т. д. и т. п.»? Вероятно, и сам Саркис не смог или не успел подсчитать. Вот такое злоупотребление словом «уклон» я считаю опасным озорством. К сожалению, это делает не рядовой член партии, а один из руководителей Ленинградской организации, который такими методами хочет сохранить за партией 100 % верность ленинизму. Я боюсь, что если дать волю таким товарищам, как т. Саркис, то многие члены партии не только не будут говорить или писать, но будут бояться и самостоятельно мыслить (бурные аплодисменты)²⁶.

«Правильная» линия не предусматривала логику безусловного подчинения. Мнение большинства может не совпадать с мнением

²⁵ Новая обстановка и задачи партии. Доклады и речи на XIV Московской губпартконференции. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. С. 69.

²⁶ Там же. С. 70.

меньшинства. Какая линия «правильная»? Вопрос дискуссионный, ибо в истории партии бывали случаи, когда мнение большинства оказывалось ошибочным.

На XIV съезде партии Г. Сокольников, сторонник «новой оппозиции», спрашивал о том, что волновало и Оссовского: как совместить внутрипартийную демократию с принятием правильных решений? Генеральный секретарь ЦК партии Сталин создал твердое большинство, которое диктует свое мнение всей партии. Но правильное решение возникает при свободе мнений, а не в условиях диктата одной группы, пусть и получившей поддержку большинства:

...та оценка борьбы в нашей партийной верхушке, которую я позволяю себе дать, высказывая на съезде свое убеждение, состоит в том, что по отношению к меньшинству Политбюро, по отношению к Каменеву и Зиновьеву, велась линия, которую я считал неправильной, – линия, которая имела своим естественным завершением отсечение Каменева и Зиновьева. (Шум. Голоса: «Факты!») Товарищи, если вам нужно, я приведу вам факты. (Голоса: «Пожалуйста, факты, факты, факты!») Товарищи, позвольте вам назвать один факт, который лично для меня имел решающее значение. Для меня этот факт состоял в том, что очень скоро после XIII съезда партии, *без всяких поводов к этому со стороны Каменева и Зиновьева* (курсив мой. – А. Ю.), тов. Сталин напечатал сделанный им на курсах секретарей укомов доклад, в котором он выступил впервые – этого у нас никогда не бывало – против Каменева и Зиновьева в печати²⁷.

Г. Зиновьев объяснил на съезде, как распалось политическое «ядро» в промежутке между XII и XIII съездами партии. Сталин воспользовался административной властью над партийной бюрократией, чтобы выстроить свою «правильную линию». Зиновьев говорил:

Нападение на меня было по вопросу о диктатуре пролетариата, – формулировка, которая была одобрена XII съездом партии и которую Сталин критиковал в этой речи у секретарей укомов, сказавши, что, «кажется», XII съезд ее принял. Сталин сделал самое решительное выступление против «ядра» через газеты, оно и разложило это ядро. (Голос: «Когда это было?») Это было после XIII съезда партии, месяц спустя, не могу точно сказать, но очень скоро после XIII съезда. Это было сказано в статье и в речи, напечатанной во всех газетах, а затем

²⁷ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во, 1926. С. 333.

издано отдельной брошюрой. У нас тогда собралось несколько руководящих товарищей, человек 15–17 большевиков-ленинцев, которые обсуждали создавшееся положение. Они признали *неправильности* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) выступления тов. Сталина и *принципиальную его* ошибку по вопросу о диктатуре пролетариата²⁸.

Заметим попутно: на XIII съезде партии Зиновьев читал политический отчет ЦК партии – это значит, что он считался неформальным лидером партии (после Ленина). Сталин добился того, чтобы XIV съезд проходил в Москве, а не в Ленинграде, как было ранее условлено, и сам прочитал политический отчет ЦК, что для всех партийных работников означало только одно: лидером партии становится Сталин и теперь он ведет партию по «правильной линии».

Возвращаясь к речи Сокольниковца на съезде, обратим внимание на то, как он объяснял принятие решений после распада «ядра»:

...поскольку генеральный секретарь партии, с одной стороны, является членом Политбюро, а с другой стороны, руководителем Секретариата, то совершенно независимо от личности тов. Сталина, создается такое положение, когда любое расхождение в Политбюро, возникающее по любому политическому вопросу, получает свое отражение на организационной работе, потому что в действительности один из членов Политбюро, являясь генеральным секретарем, т. е. руководя всей организационной работой, оказывается в таком положении, что любое его разногласие по любому вопросу в Политбюро может получить немедленно то или иное выражение по линии организационных мероприятий²⁹.

Выход, по мнению Сокольниковца, только один – свобода мнений в Политбюро при принятии правильных решений, чтобы «было исключено образование твердо сплоченных групп в Политбюро»³⁰.

Тему «уклонов» на XIV съезде партии подхватил и Сталин. Формально он не уходил далеко от бухаринской трактовки. Но он внес в эту официальную теорию такие изменения, которые потом проросли в принципиально новое объяснение «генеральной линии» – в устах генерального секретаря партии. Инновация Сталина была принята с восторгом большинством депутатов на съезде – они неустанно цитировали его «поправки» к бухаринскому тезису о двух уклонах.

²⁸ Там же. С. 454.

²⁹ Там же. С. 335.

³⁰ Там же. С. 336.

Постановление ЦК (принятое в октябре 1925 г.) о двух уклонах рассматривалось «новой оппозицией», в частности Л. Каменевым, как правильное, если утверждать их «**равноценность**». Так думал и автор концепции – Бухарин. Сталин же **изменил оптику** «измерения зла» и сказал о том, что нужно бороться прежде всего с *тем уклоном*, который в настоящий момент представляет собой *большую опасность* для партии. Иными словами – открывать надо не «равный огонь», а по усмотрению партии и там, где этот огонь необходим в силу большей проявляемой слабости. А.И. Рыков спорил с Каменевым при помощи этих мыслей Сталина и утверждал следующее:

...тов. Сталин был совершенно прав, говоря, что нужно главный огонь в настоящее время открыть по тем, *которые этого не понимают* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.), а таких еще достаточно много... Он (Каменев. – А. Ю.) привел постановление ЦК о двух уклонах, *утверждая их равенность*. А что он доказывал? Доказывал ли он, что оба уклона одинаково опасны? Наоборот, он пытался доказать съезду, что тот уклон, который недооценивает середняка, никому ничем не грозит, в противоположность уклону, недооценивающему опасностей нэпа. Если сделать практический вывод из его речи, то нужно открыть вовсе не равный огонь по обоим уклонам, а весь огонь сосредоточить на одном уклоне, уклоне тов. Богусhevского, указание же на второй уклон за ненадобностью из всех резолюций исключить³¹.

За «равенство» уклонов выступил и Г. Зиновьев. Он сравнил постановление ЦК о двух уклонах и речь Сталина на съезде, чтобы заявить во всеуслышание, что генеральный секретарь неверно интерпретировал постановление! Ведь в нем сказано: «Решительная борьба с обоими уклонами для предотвращения срыва политики партии в деревне и правильного проведения в жизнь решений XIV партийной конференции». В политическом отчете ЦК партии на съезде, как отметил Зиновьев, Сталин извратил смысл постановления ЦК, сказав: «Я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном». Это был уклон «раздувания роли кулака».

Зиновьев почувствовал, что Сталин задумал какую-то политическую каверзу:

...в этом вопросе тов. Сталиным прибавлено новое и выражено оно *архи-полюемически* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). Я думаю, что все события, чем дальше они развиваются, тем больше показывают,

³¹ Там же. С. 409.

что *сосредоточивать огонь на тех, которые указывают на опасность кулака в данный момент*, это значило бы делать серьезнейшую политическую ошибку³².

Ему было важно подчеркнуть, что Сталин сделал политическую ошибку. Но Сталин не только сознательно обострил ситуацию противостояния с «новой оппозицией», имея власть над большинством в партии, он предложил ввести в тему «двух уклонов» *начало неопределенности* – вопреки слишком уж механической постановке вопроса в постановлении ЦК. Какой уклон больше, а какой меньше – решает «партия»! Решает «диалектически»: в ту сторону, которая наиболее угодна «партии», то есть лично товарищу Сталину и его группировке. Это отождествление «партии» и решений большинства в ЦК под контролем генерального секретаря стало козырной картой Сталина в игре против «теоретиков» новой оппозиции.

В своем заключительном слове В.М. Молотов весьма своеобразно высказался о попытке Г. Зиновьева взять реванш за политическое поражение:

Есть *кусочки линии* (курсив мой. – А. Ю.), есть уклоны от нашей правильной линии... Содоклад и выступления оппозиции, которые были здесь, во всяком случае, *особой цельной линией* (курсив мой. – А. Ю.) не выявили³³.

Допущение, что линия партии может иметь «кусочки» правильные и неправильные, показывает, что идея о «правильной линии» еще не получила законченный вид. Она не стала необсуждаемой истиной партии. Сталинская неопределенность в обсуждении двух уклонов показала, что «правильность» только тогда станет безусловной, превратившись в конце концов в линию «генеральную», когда право распоряжения этой неопределенностью окончательно станет личным правом Сталина, генерального секретаря ЦК ВКП(б).

В своем заключительном слове Сталин отметил, что «тов. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими. Он *не понимает диалектики* (курсив мой. – А. Ю.) развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода»³⁴.

³² Там же. С. 436.

³³ Там же. С. 470–471.

³⁴ Там же. С. 495.

Ключевое слово «диалектика» в устах Сталина – личное оружие, при помощи которого определенно-механистические, но *в равной мере* неверные уклоны от «генеральной линии» (по выражению Бухарина) генсек намеревался превратить в уклоны неопределенно-диалектические, которыми можно манипулировать – через *неравную меру*, но по усмотрению Сталина.

В процессе овладения «правильной линией» была своя предыстория – и Сталин всячески подчеркивал, что он якобы всегда был противником «политики отсечения». Зиновьев и Каменев требовали вывести из Центрального комитета Троцкого, а он не согласился: «...сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии? (Аплодисменты)»³⁵. Но и тут «работала» сталинская диалектика: «Мы против отсечения. Мы против политики отсечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. Нет, уж извините. Поклонов в отношении вождей не будет...»³⁶.

На протяжении трех-четырех последующих лет политической борьбы мы видим, что в спорах, дебатах – самых острых – упоминается только «правильная» или «неправильная» линия. **Новое рождение** концепта «генеральная линия» напрямую связано с полной победой Сталина *над всеми* своими оппонентами в партии, которые так или иначе мешали ему прийти к полновластию.

На двух самых дискуссионных пленумах ЦК партии, относящихся к августу и октябрю 1927 г., не было речи ни о какой «генеральной линии» – битва шла за «правильность» в координах внутрипартийной демократии между сталинской группировкой и объединенной оппозицией (Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Л. Каменев).

В июле–августе 1927 г. прошел Пленум ЦК ВКП(б), на котором развернулась неслыханная ранее баталия на тему о «правильности» партийной линии. Речь шла о наличии «двух линий» неправильных и «третьей линии» – правильной. Как заметил сторонник Сталина, член ЦК и зав. отделом ЦК ВКП(б) К.Я. Бауман,

...первая линия, которая поддерживается в нем меньшевистским либеральным течением, – это фактическое отрицание каких бы то ни было перспектив международной пролетарской революции... <...> Вторая линия, мне кажется, это линия т. Троцкого, которая заключается в таком понимании международной пролетарской революции, где главным пронизывающим его моментом является представление о международной пролетарской революции, как своего рода единовременном историческом акте, в этом смысле наша Октябрьская революция

³⁵ Там же. С. 501.

³⁶ Там же. С. 508.

рассматривается только как пролог, долженствующий немедленно повлечь за собою международную пролетарскую революцию... <...> И, наконец, третья линия – это линия нашей партии, линия ленинская, которая рассматривает международную пролетарскую революцию как целую эпоху, как эпоху войн и пролетарских революций³⁷.

В каждой из «неправильных» линий содержится свое истинное смысловое зерно, но акценты расставлены неверно.

Именно отождествление личности партийца и правильной партийной линии стало основной проблемой обсуждения на августовском Пленуме ЦК (1927 г.). Обострил этот вопрос Лев Каменев:

Эта клевета имела под собой в речи т. Молотова известную логическую обоснованность. Он рассуждает просто: оппозиция критикует меня, Молотова, мою политику, мою линию; *но я, Молотов, представляю партию, я – партия; следовательно, критикует не мои ошибки, а критикует партию* (курсив мой. – А. Ю.). Оппозиция критикует Молотова бешено, резко, значит, она бешено, резко критикует партию. Значит – вы уже против партии обратились к бешеной критике, вы стали на путь левых эсеров³⁸.

Формула протеста оппозиции, выраженная словами Каменева, такая: «...мы не смешиваем Молотова с партией, мы не смешиваем Бухарина с марксизмом и не верим в непогрешимость Сталина»³⁹.

Лев Троцкий, говоря о сталинской группировке, захватившей власть, предлагал партии «вести большевистскую линию, а не сталинскую»⁴⁰. «Большевистская линия» направлена против «центризма», который выражается в том, что Сталин ищет везде сомнительную «середину»: фактически не поддерживая бедняка, поощряет кулака в сельском хозяйстве, фактически не поддерживает рабочих Англии, поощряет тред-юнионизм, фактически не поддерживает революцию в Китае, поощряет уступки Чан Кай-ши. На слова Троцкого о настоящей «большевистской линии» Н.А. Скрыпник ответил, согласно стенограмме: «Вы испробованы, и партия признала, что вы не годитесь»⁴¹. Он также выразил сущность соединения «правильной линии»

³⁷ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 160.

³⁸ Там же. С. 184.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 246.

⁴¹ Там же.

со всей партией: «Здесь должно быть прочное единство, дисциплина и единство мысли»⁴².

Выступая на Пленуме, Сталин продолжил *свою игру* в «уклоны». Он утверждал, что при «взлете революции» обязательно «должны появиться в компартиях правый и левый уклон, из коих первый не хочет расстаться с прошлым, а второй не хочет считаться с настоящим». Свою теоретическую инновацию он утверждал так, как будто в этом нет ничего нового: «Они (оппозиция. – А. Ю.) забыли, что без уклонов не бывает революции». Сталин упомянул факт, который никто и никогда в подобном модусе не рассматривал:

А что было у нас в Октябре 1917 г., разве не было тогда в нашей партии правого и левого уклона? Неужели т.т. Каменев и Зиновьев забыли об этом? Помните ли вы, товарищи, историю меньшевистских ошибок Каменева и Зиновьева в Октябре?
ГОЛОСА. Помним⁴³.

Между всем известной «ошибкой» и «без уклонов не бывает революции» – дистанция огромного размера. Это была сталинская дистанция разбега для того, чтобы в конечном счете подавить своих врагов на родной почве – на почве «революции».

Если с «левым уклоном» дело обстояло хотя бы правдоподобно, то найти настоящий «правый уклон» в партии было непросто – и Сталин его выдумал: группа Смирнова–Сапронова, не менее «левая», чем «объединенная оппозиция», была объявлена «правым уклоном». Для чего это делалось? Таким был ответ Сталина Троцкому, который критиковал генсека за «центризм». Какой «центризм», если правые и левые – неизбежные спутники *всякой* революции? Сталин ловко приписал свои мысли Ленину:

Эти чудачки, оказывается, забыли, что, ведя борьбу с обоими уклонами, мы осуществляем лишь заветы Ленина, безусловно настаивавшего на решительной борьбе как против «левого доктринерства», так и против «правого оппортунизма»⁴⁴.

Левых и правых Ленин действительно ругал нещадно, но никакой «теории уклонов» – как *неизбежного спутника* революции – у Ленина не было.

Смысл споров на августовском Пленуме ЦК сосредоточился на вопросе со стороны объединенной оппозиции: является ли

⁴² Там же. С. 248.

⁴³ Там же. С. 261.

⁴⁴ Там же. С. 287.

«сталинская фракция» выразителем мнения всей партии? Проверить это можно в свободных дискуссиях, которые никто в партии не отменял. Но Сталин обрушился с критикой на таких оппозиционеров как сторонников «буржуазной демократии».

Завязалась острейшая борьба.

Рассмотрим общее мнение объединенной оппозиции в высказываниях главных ее представителей. Они соединились в желании показать *ошибки* партийного ядра, фракции Сталина, и таким образом доказать всей партии, что сталинская группировка не имеет права быть руководящей.

Г. Зиновьев указал на следующий набор ошибок: неверная оценка китайской революции, английского рабочего движения; неправильное толкование «диктатуры пролетариата»; Сталин «напутал немало как теоретически, так и практически» в национальном вопросе.

Л. Троцкий нашел, что Сталин, ко всему прочему, еще и «троцкист»! Ибо он развивал в одной из своих работ (1924 г.) совершенно «троцкистский» взгляд на невозможность построения социализма в отдельной стране. Ошибки руководства ЦК в китайской революции – результат отстранения оппозиции от руководства. Это был явный намек на интеллектуальную несостоятельность сталинской группы. Что же нужно? Необходимо развернуть внутрипартийную демократию, ибо только она способна уберечь партию от повторения ошибок. Троцкий подтвердил, что у «нас нет механики парламентаризма», но «есть механика партии».

Что это значит? Он риторически вопрошал:

Может или не может партия исправить то, что было сделано в промежутки времени между съездами? Может или не может партия на съезде решить, что в интересах нашей обороны, нашего хозяйства, в интересах китайской революции и всего Коминтерна руководство партии должно быть организовано на тех началах, какие Ленин изложил в своем завещании? Может или не может? Я считаю, что может. Думаю, что вся оппозиция считает, что может. Здесь нет и тени намека не только на так называемое повстанчество...⁴⁵.

Если выполнять распоряжения Ленина – надо снимать Сталина с поста генерального секретаря партии.

Лев Каменев тоже говорил о «неправильных теоретических и политических» предпосылках. Он возразил Сталину, который

⁴⁵ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 139.

приписал оппозиции троцкизм: «Неверно и смешно это». Ответ на это обвинение короткий: «Мы требуем не смешивать кулака с крестьянином»⁴⁶.

Ни Маркс, ни Ленин не утверждали возможность построения социализма в одной стране – это тоже ошибка Сталина.

Но самое важное Каменев сказал о «неправильной линии» партии – и о допущении самой мысли, что такое возможно.

...мы, оппозиция, действительно считаем, что линия партии, которая проводилась за последние 2 года после XIV съезда, что эта линия большинства неправильна. Имеем ли мы право, как коммунисты, как члены партии, если мы считаем, что линия ЦК неправильна, сказать об этом своему ЦК, во-первых, и всей партии, во-вторых. *Во всей истории партии этого права никто никогда не отрицал* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). А если нам мешают сказать это партии, имеем ли мы право добиваться того, чтобы наше мнение было доведено до сведения партии? Имеем. *Никто, никогда – мы не первый год в партии, знаем ее историю, жили в ней, вели борьбу, надеемся еще много поработать в ней, – никто никогда не указывал, никто никогда не учил, и мы сами никогда не учили ни одного рабочего, что член партии не имеет права быть в разногласиях с большинством, доводить это свое разногласие до сведения своей организации, в данном случае ЦК.*

Томский. Но здесь есть маленькое «но».

Голос. А решениям партии подчиняетесь?

Каменев. Решениям партии подчиняться должны и подчиняемся⁴⁷.

Итак, истинность «линии» не связана с большинством – таков общий мыслительный ход оппозиции. Никто не забыл, что Ленин оказывался прав, будучи в меньшинстве. Но ясно и другое: партия победила, и победившая партия взяла власть в руки. Одно дело – бороться с самодержавием и другое дело – быть властью в стране. Поэтому, как «правильность» не есть прямое следствие коллективного решения, так и несогласие с большинством, после принятия коллективного решения, – не есть правильная позиция, ибо решение (пусть даже неправильное) принято.

Вот такая головоломка стала предметом острейшего спора. Однако никто из спорящих категорически не хотел признавать чуждые ценности «буржуазного парламентаризма», включающие в себя многопартийность как разумное следствие в выходе из кризиса однопартийного состояния.

⁴⁶ Там же. С. 153.

⁴⁷ Там же. С. 155.

Л. Каменев видел «механику» партии еще радикальнее, чем Троцкий. Он допускал, что «партия имеет право указывать ошибки Центрального Комитета, поправлять свой Центральный Комитет, даже смещать его. И ни о чем больше, ни о каком свержении власти речи быть не может»⁴⁸. На этой дороге он видел и «пропасть»: если такой ЦК, без ясной классовой позиции, начинает «квалифицировать оппозицию» как социал-демократов, враждебных большевикам, как «условных оборонцев», «пораженцев», «дезорганизаторов тыла», «агентов Чемберлена» и даже «контрреволюционеров», то пропасть неизбежна, – это та «щель» (словечко Ленина), в которую проникает «третья сила» – абсолютно классово чуждая, например, в лице сменовеховца Н. Устрялова, который уже успел похвалить Сталина и Бухарина за правильную политику. Каменев определил смысл «пропасти» так: «распад и развал Советской власти»⁴⁹. Паразитично, что логика Каменева не была чужда членам сталинской группы, с одним лишь отличием: они говорили почти то же самое, начиная с того, что фракция Сталина – и есть сама партия, и если оппозиция будет разрушать партию, то неизбежно придет «третья сила», которая окажется контрреволюцией в стране.

Вопрос упирался в определение самого очевидного и вместе с тем самого непонятого – **а что есть «партия»?**

Еще один представитель объединенной оппозиции, Х. Раковский, говорил о том, как партия и «правильность» связаны друг с другом: не дисциплина *сама по себе*, в бюрократическом толковании, является сущностью единства, – а «правильная революционная теория» дает настоящее единство, которое кристаллизуется в ходе принципиальных дискуссий. Он заметил, что С. Орджоникидзе «говорил вчера о необходимости критики, но, к сожалению, он ее себе представляет в виде критики мелких недочетов большого механизма»⁵⁰. Значит, с точки зрения оппозиции партия едина в ходе критики себя и в выработке на этой основе правильных решений и партия едина с точки зрения Сталина и его товарищей при соблюдении формальной дисциплины.

Нельзя сказать, что ясности прибавилось по ходу обсуждения вопроса о прерогативах «партии». Раковский говорил: «...партия и Пленум обязаны, в особенности в тяжелые моменты войны, проверять партийное руководство и указывать ему на его ошибки»⁵¹. Недопустима «политика зажима», которая оправдывала бы себя «необходимостью партийной дисциплины». Неясной оставалась та

⁴⁸ Там же. С. 156.

⁴⁹ Там же. С. 157.

⁵⁰ Там же. С. 186.

⁵¹ Там же. С. 187.

мера, которая отделяла – что есть содержательное единство в ходе дискуссий (если вдруг не пришли к согласию) и что есть формальное единство (если потребовалось зафиксировать содержательное мнение большинства).

Сталинская группа отвечала на эти вопросы по-своему. Интересным и откровенным оказалось выступление А. Рыкова. Он спросил: «Допустим, вы правы, я – не прав. Кто будет решать?» Один из лидеров объединенной оппозиции, Бакаев, крикнул с места: «Партия». Рыков согласился: «Решает партия, решает съезд, конференция, Пленум». Но если принято решение, то кто те люди, которые не захотят подчиниться общему решению? Они – штрейкбрехеры⁵². Рыков допустил еще раз ситуацию, когда «вы правы», – а «я и другие не правы». Он допустил, что не прав с точки зрения «правильной теоретической линии». «Как же быть?» – спросил Рыков. Ответ такой: «Партия решила. Партия имеет право, если угодно, и ошибиться. Тут уж никуда не денешься, а должен поступать так и делать то, что решила партия. Если же каждый из нас будет считать для себя обязательным только те решения, с которыми он лично согласен, тогда партии не будет»⁵³.

Тезис Троцкого, что следует сменить большевистское руководство, как это было сделано в исторические времена Клемансо, французского премьер-министра, вызвал общее неприятие большинства на Пленуме. Рыков говорил, в частности:

Вся оппозиция на Пленуме упорно защищает тезис т. Троцкого о Клемансо. Клемансо перед всей страной заявил, что без смены правительства нельзя защитить Францию, и упорно и открыто боролся за смену тогдашнего французского правительства. Оппозиция заявляет, что она это же самое пытается сделать в СССР *по отношению к правительству, поставленному пролетарской партией* (курсив мой. – А. Ю.)⁵⁴.

Н.И. Бухарин, как теоретик сталинской группы, выступил с критикой ошибок объединенной оппозиции. Ни о какой смене политического вектора и речи не может быть, если Троцкий и вся оппозиция выражают в своих взглядах меньшевистскую оценку крестьянства. Смысл ее таков: «...в силу отсталости нашей страны мы неизбежно должны переродиться в крестьянско-кулацкую, а потом в просто буржуазную партию»⁵⁵.

⁵² Там же. С. 190.

⁵³ Там же. С. 192.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 199.

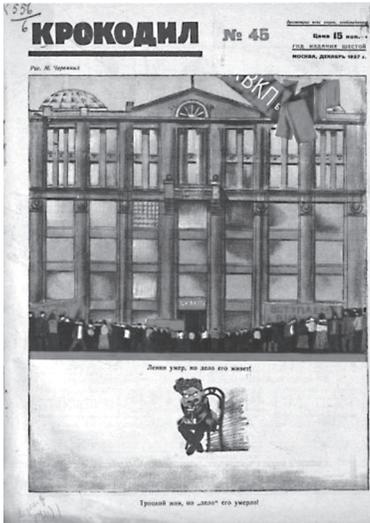

Рис. 1. «Крокодил». 1927. № 45

Рис. 2. «Крокодил». 1927. № 43

Во взглядах всей оппозиции Бухарин увидел прежний меньшевизм: «А т. Троцкий с печальным мужеством трагического одиночки все время “в той же позиции на камне сидит” и твердит, где бы то ни было – на съезде, на конференции, на Пленуме – твердит одно и то же, твердит эту старую ерундистку, которую Ленин окрестил как меньшевистскую оценку крестьянства. (Смех.)»⁵⁶.

Понятно, что слова Бухарина имели отношение к сравнению Троцкого с героем Козьмы Пруткова – бароном фон Гринвальдусом:

Барон фон Гринвальдус.
Сей доблестный рыцарь.
Все в той же позиции
На камне сидит.

Именно Бухарин давал советской прессе указания, как освещать события внутриполитической борьбы. Образ одинокого Троцкого был представлен в сатирическом журнале «Крокодил», выходявшем огромным тиражом. На рисунке показано, правда, что Троцкий сидит не на камне, а на стуле, но во всем остальном декабрьский номер журнала за 1927 г. вполне соответствовал высказыванию Бухарина на Пленуме ЦК ВКП(б) в августе 1927 г.

«Линия» объединенной оппозиции получила свое определение как «меньшевистская», и в декабрьских номерах журнала «Крокодил» за 1927 г. этот мотив получил максимально широкое применение в сатирических изображениях.

⁵⁶ Там же. С. 201.

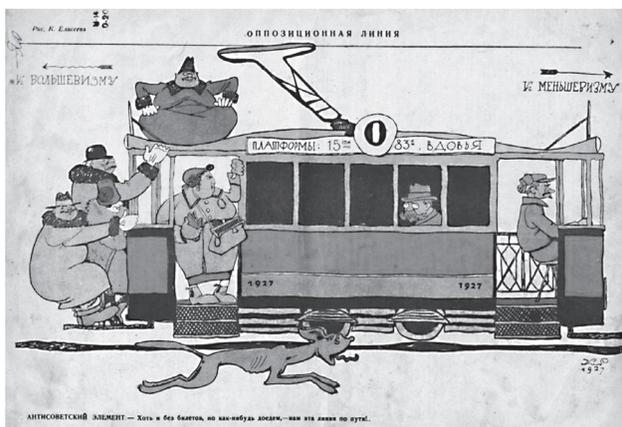

Рис. 3. «Крокодил». 1927. № 42

Именно «меньшевизм» – это другая дорога: «оппозиционная линия».

На следующей картинке кроме Троцкого изображены Г. Зиновьев, Л. Каменев, И. Смилга. Троцкий спрашивает рабочего: «Эй, товарищ! Где тут Октябрьская дорога?» Рабочий отвечает: «Заехали, нечего сказать! Октябрьская дорога совсем в другой стороне!»

В массовое сознание вбивалась мысль, что «оппозиция» не имеет никакого отношения к коммунистам.

Рис. 4. «Крокодил». 1927. № 41

Рис. 5. «Крокодил». 1927. № 41

На этой картинке подпись под рисунком такая:

Меньшевик (меньшевику):

– Что ты делаешь?! Неужели ты забыл заветы социал-демократии?! К чему тебе портреты коммунистов?! Рядом с Каутским!!! Меньшевик: – Каких коммунистов?! Ты с ума сошел! – это же оппозиция!!!

Своим выступлением на августовском Пленуме ЦК ВКП(б) Бухарин выразил общее опасение большинства – оппозиция фактически приступила к формированию другой партии, о возможности которой предупреждал Оссовский в журнале «Большевик». Бухарин говорил:

Они прямо ставят вопрос о двух партиях (вспомните выступление т. Каменева), и вместе с тем т. Троцкий приходит сюда и бросает это чудовищное обвинение в расколе нам. Да разве мы все отлично не знаем, что у вас есть организация, разве мы отлично не знаем, что эмбрион новой партии – правда, маленькой, жалкой – у вас есть. Вы отлично сознаете это и ведете гнусную игру с ЦК⁵⁷.

⁵⁷ Там же. С. 204.

Однако сама оппозиция прямо не говорила, что необходима другая партия. Намек Каменева остался намеком – скорее запугиванием, чем реальным желанием. Гораздо более правдоподобно выглядит реплика Петерса, когда говорил Орджоникидзе:

Орджоникидзе. Все ваши выступления здесь в ответ на наши предложения были только обострением. Куда же вы хотите идти?

Петерс. Он (Зиновьев. – А. Ю.) знает куда, он хочет быть генеральным секретарем⁵⁸.

Почти то же самое сказал Рудзутак: «...вы спите и во сне видите, как бы свалить ЦК и управлять партией – это ваша программа вашей практической деятельности»⁵⁹.

Сталин в своем выступлении хитро отводил критику от себя: «Нельзя отделять ЦК от партии. Нельзя. Это глупо». Отождествляя себя с «партией», он весьма остро напал на оппозицию за попытку развести мнение группы Сталина и общее мнение партии. При этом он специально подчеркивал, что Оссовский – враг партии, а Троцкий его защищает:

Тов. Троцкий выходит и заявляет: я не могу отказаться от поддержки этой антипартийной группы, потому что вы ее неправильно исключили. Послезавтра ЦК исключает Оссовского, потому что он враг партии, это вам известно хорошо. Тов. Троцкий заявляет нам, что исключение это неправильно и он не может отказаться от поддержки Оссовского. Но ежели партия, ежели Коминтерн, обсудив подробно вопрос о таких-то лицах, в том числе и от Рут Фишер и о Маслове, ежели эти высокие учреждения пролетариата решают вопрос о том, что таких людей надо исключить, а Троцкий, несмотря на это, не отказывается поддерживать исключенных и впредь – что же тут получается? Где у нас партия, Коминтерн? Есть ли они у нас? Выходит, что для Троцкого не существует ни партии, ни Коминтерна – существует лишь личное мнение Троцкого. Ну а что, если не только Троцкий, но и другие члены партии захотят поступать так же, как Троцкий? Ясно, что это партизанщина, это атаманщина поведет лишь к уничтожению партийности. Не будет больше партии. Но будут личные мнения отдельных атаманов⁶⁰.

Резюме такое: «Мы имеем тут дело с людьми, потерявшими чувство партийности»⁶¹. Сила сталинской позиции заключалась

⁵⁸ Там же. С. 223.

⁵⁹ Там же. С. 258.

⁶⁰ Там же. С. 264.

⁶¹ Там же. С. 265.

в осторожности – он резко критиковал своих противников и одновременно делал вид, что отступает перед оппозицией – дает ей шанс исправиться. Тот, кто ругал Сталина за кротость, – а такие были – придавал позиции Сталина бóльшую убедительность, утверждая в широких партийных кругах мысль, что генеральный секретарь жертвует своим личным мнением ради сохранения единства всей партии. Обращаясь к оппозиции, С. Орджоникидзе говорил на Пленуме ЦК ВКП(б) в августе 1927 г.: «...вам предложили ту резолюцию, которую назвали гнилым компромиссом. Я не буду защищать этой резолюции сейчас. Лучше защитить ее, чем защитил ее т. Сталин, я не в силах»⁶².

Единственный человек, который умел угадывать тайные ходы Сталина, Троцкий, постоянно сопротивлялся отождествлению мнения «партии» с мнением группы Сталина – и говорил так, что большинство членов ЦК сразу выражало шумное недовольство, которое фиксировала стенограмма:

Ибо если т. Сталин здесь высказался в том смысле, что большинство не имеет оснований верить на слово, вслепую, оппозиции, у которой может быть камень за пазухой, то ведь не он один имеет право делать такое заявление. (Шум.) Ведь факт борьбы оставляет наследие в партии на продолжительный период, и это наследие ликвидировать можно только при добром желании обеих сторон⁶³.

«Гнилой» компромисс заключался в том, что оппозиция заявляла о своем временном подчинении решениям Объединенного Пленума ЦК и ЦКК, а сталинская группа готовилась нанести окончательное поражение всему «троцкизму». Но вот вопрос: как это оформить, чтобы в центре спора была сама «партия», а не мнения двух сторон конфликта? Кто-то крикнул во время выступления Троцкого: «Есть партия, двух сторон нет». Троцкий мгновенно ответил:

Это не «договор», речь идет о добром желании двух сторон. (Шум.) Совершенно правильно, есть партия. Но если бы не было оппозиции, как факта, не как «договаривающейся стороны», то не было и всех тех вопросов, о которых мы говорим, и не нужно было бы ставить вопрос об оппозиции. Оппозиция не договаривается, а отвечает на поставленные ей вопросы и высказывает свои взгляды. Только в этих пределах я и говорю о большинстве и меньшинстве⁶⁴.

⁶² Там же. С. 274.

⁶³ Там же. С. 270.

⁶⁴ Там же. С. 271.

Не унимался только Рыков, желая спрямить логику политического противостояния:

Я спрашиваю оппозицию: идет она навстречу партии в лице ее руководящего органа? В толковании голосования, как это ясно из последней речи т. Троцкого, произошла недопустимая путаница. Как может любой из нас или все мы вместе писать заявления о внутренних делах оппозиции и от ее имени? Если бы у нас была возможность принять участие в их внутренних делах, давно бы не было никакого троцкизма, ни о какой троцкистской фракции не было бы и речи... Поэтому заявление т. Троцкого о том, что они подчиняются решениям Объединенного Пленума, нужно отвергнуть...⁶⁵

Но и после октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в 1927 г., когда была подавлена «объединенная оппозиция», не могло быть и речи об усвоении понятия «генеральная линия», ибо без разгрома «правой оппозиции» нет и не может быть единственной линии – линии генерального секретаря партии. Сталин и в 1929 г. продолжал ту же самую успешную тактику борьбы с уклонами, настаивая на своей тождественности мнению всей партии. От ее лица он и громил «правых».

В самом начале 1929 г. Сталин выступил на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б), где объявил о существовании «особой группы Бухарина в составе Бухарина, Томского, Рыкова» [Такер 2006, с. 341–348; Апальков 2017]. «На голубом глазу» – по-сталински: об этом «ничего не было известно партии». Особая платформа правых противостоит партии:

Она требует, во-первых, – вопреки существующей политике партии – снижения темпа развития нашей индустрии, уверяя, что нынешний темп развития индустрии является «гибельным». Она требует, во-вторых, – тоже вопреки партии – свертывания строительства совхозов и колхозов, утверждая, что колхозы и совхозы не играют и не могут играть серьезной роли в развитии нашего сельского хозяйства. Она требует, в-третьих, – тоже вопреки политике партии – установления полной свободы частной торговли и отказа от регулирующей роли государства...⁶⁶

Однако словосочетание «генеральная линия» произнесено не было.

⁶⁵ Там же. С. 271–272.

⁶⁶ *Сталин И.В.* Соч. М.: Гос. изд. полит. лит., 1949. Т. 11: 1928 – март 1929. С. 318.

Оно прозвучало – и весьма внушительно – в апреле 1929 г., когда Сталин начал большой поход против «правых». Термин «генеральная линия» отныне стал принадлежать генеральному секретарю партии, наполняясь совершенно новым смыслом.

Этот новый смысл сводился теперь не к идее компромисса в духе теории Бухарина, защищавшего новую экономическую политику, а к идее «оппортунизма» – и прежде всего «правых». Что же такое «оппортунизм» в новом понимании «генеральной линии»? Сталин ухватился за одно высказывание Рыкова и в своей привычной манере стал внушать то, что ему «ясно» и должно быть ясно всем: обычно под такой трактовкой скрывались настоящие опыты массового гипноза через внушение установочных положений, не требующих доказательств.

По словам Сталина, А.И. Рыков сказал, что «генеральная линия у нас одна, и если у нас имеются некоторые “незначительные” разногласия, то это потому, что существуют “оттенки” в понимании генеральной линии»⁶⁷.

Оттенки! Вот что категорически недопустимо теперь в новом понимании *непредсказуемо* истинной «генеральной линии» партии. Не столько против Рыкова выступил Сталин, сколько против всякого мнения, отличного от мнения Сталина.

Суггестия установки «если генеральная линия одна» работала безотказно.

Сталин говорил:

В самом деле, если линия у нас одна и существуют между нами лишь оттенки, то почему Бухарин бегал по вчерашним троцкистам, во главе с Каменевым, пытаясь устроить с ними фракционный блок против ЦК и его Политбюро? Если линия одна, почему Бухарин конспирировал со вчерашними троцкистами против ЦК и почему его поддерживали в этом деле Рыков и Томский? Если генеральная линия одна, то как можно допустить, чтобы одна часть Политбюро, придерживающаяся одной общей генеральной линии, строила подкопы против другой части Политбюро, придерживающейся той же самой генеральной линии? Разве можно допускать такую политику перелётов при наличии одной общей генеральной линии? Если линия одна, откуда взялась декларация Бухарина от 30 января, направленная целиком и полностью против ЦК и его генеральной линии? Если линия одна, откуда взялась декларация тройки (Бухарина, Рыкова, Томского) от 9 февраля, в которой нагло и грубо-клеветнически обвиняют партию: а) в политике военно-феодалной эксплуатации

⁶⁷ Там же. Т. 12: апрель 1929 – июнь 1930. С. 3.

крестьянства, б) в политике насаждения бюрократизма, в) в политике разложения Коминтерна?⁶⁸

Сталин не утверждал, а внушал, повторяя раз за разом одни и те же словесные формулы. Такое политическое шаманство отличало его от всех прочих вождей, не научившихся по-настоящему манипулировать сознанием партийцев.

Он говорил:

Где же тогда общая генеральная линия? *Если линия одна*, а линия партии состоит, по мнению группы Бухарина, в том, что проводить политику военно-феодалной эксплуатации крестьянства, то неужели Бухарин, Рыков и Томский хотят заодно с нами проводить эту гибельную политику, а не бороться с ней? Это ведь чепуха какая-то. *Если линия одна*, а линия партии состоит, по мнению бухаринской оппозиции, в том, чтобы насаждать бюрократизм, то неужели Рыков, Бухарин и Томский хотят вместе с нами насаждать бюрократизм в партии, а не бороться с ним? Это ведь бессмыслица какая-то. *Если линия одна*, а линия партии состоит, по мнению бухаринской оппозиции, в том, чтобы разлагать Коминтерн, то неужели Рыков, Бухарин и Томский хотят вместе с нами разлагать Коминтерн, а не бороться с политикой разложения Коминтерна? Как можно верить в этот абсурд? Нет, товарищи, с заявлением Рыкова о наличии у нас одной общей линии что-то неладно⁶⁹.

Наконец, самое важное – никто не может даже воздержаться при голосовании в Политбюро, если генеральная линия одна! Вот – вершина сталинской «диалектики»:

Если линия одна, откуда получится такой факт, что тройка из Политбюро, Рыков, Бухарин и Томский, в своем голосовании в Политбюро сочла возможным **воздержаться** при принятии основных тезисов о пятилетке и о крестьянском вопросе? Разве это бывает, что генеральная линия была одна у людей, а по основным вопросам хозяйственной политики одна часть товарищей воздерживалась от голосования? Нет, товарищи, таких чудес не бывает на свете⁷⁰.

Теперь, если у кого-то из руководителей партии обнаруживаются «оттенки» во взглядах, то *следует идти на компромисс*

⁶⁸ Там же. С. 3–4.

⁶⁹ Там же. С. 5.

⁷⁰ Там же. С. 6.

с генеральной линией партии – или, попросту говоря, безоговорочно ей подчиняться. Сталин так и сказал:

...если линия одна и у нас имеются лишь оттенки, почему товарищи из бухаринской оппозиции, Бухарин, Рыков и Томский, не согласились принять компромисс Политбюро, предложенный им 7 февраля этого года? Разве это не факт, что этот компромисс давал группе Бухарина вполне приемлемый выход из тупика, в который она сама себя загнала?⁷¹

Концепцию «оттенков», высказанную Рыковым, Сталин назвал «политикой оппортунизма»:

Политика оппортунизма в том именно и состоит, чтобы замазать разногласия, затушевать действительное положение внутри партии, замаскировать свою собственную позицию и лишить партию возможности добиться полной ясности⁷².

С этого момента началась массовая кампания по борьбе с «оппортунизмом» не только в партии, но и во всех сферах жизни советского общества. Неопределенность этого понятия была выгодна окружению Сталина, ибо ставилась цель вполне определенная – запугать всякого человека, не только Бухарина, Рыкова и Томского.

Так формировался сталинизм – стратегия и тактика устрашения, построенная на основе идеологических манипуляций с запрещением иметь даже оттенки мнений, не совпадающих с «генеральной линией» партии, с мнением лично Сталина.

Литература

- Апальков 2017 – *Апальков Д.И.* Внутриполитическая борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
 Такер 2006 – *Такер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. 359 с.

References

- Apal'kov, D.I. (2017), *Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) – VKP(b) (1920 – nachalo 1930)*, [Internal political struggle in the RCP (b) – VKP (b) (1920s – early 1930s)], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
 Tucker, R. (2006), *Stalin. Istoria i lichnost'* [Stalin. History and personality], Ves' mir, Moscow, Russia.

⁷¹ Там же. С. 6.

⁷² Там же. С. 8.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; iurganov@yandex.ru